Бадуева Г. Ц.

Мотив родового начала в прозе Д. Эрдынеева

Аннотация. В статье анализируется сквозной мотив прозы Д. Эрдынеева – мотив родового начала, воплощающийся в сюжетообразующих коллизиях (противопоставление и столкновение представителей двух родов; столкновение старшего и младшего поколений рода; конфликт между старым и новым, личным и общественным, индивидуалистическим и общественным началом), сюжетных и композиционных приемах (ситуация внутреннего кризиса старейшего или старшего члена рода в определенный период жизни, осознание им несправедности совершенных поступков и прозрение; смелый поступок дочери одного из родов, выходящей замуж по любви; два временных плана), системе персонажей. Появившийся уже в первых рассказах обобщенный родовый герой в дальнейшем творчестве ставится в центр повествования. Родовые отношения, «родовая память» имеют огромное влияние на уклад жизни, воспитание, формирование нравственных устоев членов рода в романах «Большая родословная», «Үй-лын ури» («Расплата»), повести «В тени старого дома» и рассказах Д. Эрдынеева.

Ключевые слова: проза, Д. Эрдынеев, сквозной мотив родового начала, родовые отношения.

Gunsema Ts. Badueva

The motive of the generic principle in D. Erdineev's prose

Abstract. The article analyzes the cross-cutting motive of D. Erdineev's prose - the motive of the generic principle, embodied in plot-forming collisions (opposition and collision of representatives of two clans; conflict between the older and younger generations of the clan; the conflict between the old and the new, personal and social, individualistic and social beginning), plot and compositional techniques (the situation of an internal crisis of the oldest or oldest member of the clan at a certain period of life, his awareness of the unrighteousness of committed acts and insight; a bold act of a daughter of one of the clans, marrying for love; two time plans), a system of characters. The generalized generic hero, who appeared already in the very first stories, is placed in the center of the narrative in further work. Family relations, «family memory» have a tremendous impact on the way of life, upbringing, the formation of the moral

foundations of members of the family in the novels «Great genealogy», «Reckoning», the story «In the shadow of the old house» and the stories of D. Erdineev.

Arya, the protagonist of the novel «Great genealogy», is in a situation of spiritual crisis. Fulfilling the law of succession, he sees his duty in relation to subsequent generations of the clan in choosing the right path and looks for possible ways to overcome the moral conflict. The understanding of the meaning of life by his two grandchildren - Tuchin and Balta - represent possible paths for the development of the clan: adherence to generic principles or serving the people. In a situation of choice, each in their own way, they influence the future of the Aryatan clan. Arya connects the rebirth and development of the clan with Balta, which is symbolically shown by the images of his great-grandchildren, the successors of the Aryatan clan. The act of the head of the clan and the desire of a part of the younger generation inspire hope that the Aryaev clan will change clan principles, become spiritually rich, and life for the good of all people will become fundamental in future generations.

Keywords: prose, D. Erdineev, the through motive of the generic principle, generic relations.

Сквозной в прозе Д. Эрдынеева мотив родового начала позволяет писателю создать авторскую картину мира на основе национальной модели, где значимы понятия «тоонто», «род», «родовое», «семья». Ориентирами заявленного мотива являются образы детей и стариков, условно начинающих и завершающих род. Именно эта цепочка человеческой модели жизни прослеживается в циклах рассказов «Нравы Тубэргэнов», «Современные легенды», повестях «В этой жизни», «В тени старого дома», романах «Аргатак ищет хозяина», «Большая родовая», «Расплата», в которых писатель пытается ответить на сложные вопросы: «Как влияет прошлое человека на его настоящее?», «Может ли человек изменить свою судьбу?», «Что есть продолжение рода в современных условиях?», «Какую роль в мироощущении отдельного индивида, встроенного в родовую систему, играют национальные традиции?». Через сложное взаимодействие «отцов» и «детей» автор решает проблему ценностных отношений между ними в ситуации XX века, делая акцент на нравственном выборе героев.

Для воплощения анализируемого мотива писатель использует:

1) *сюжетообразующие коллизии*:

а) противопоставление и столкновение представителей двух родов: Нимбу и Тайбан из рода Тубэргэнов («Тоонто»), Арьяевы и Лыксэковы

(«Большая родословная»), Гатаповы и Тахаевы («Расплата»), род отца и род матери героя («Аргатак ищет хозяина», «В тени старого дома», «Большая родословная») и др.,

б) конфликт старшего и младшего поколений рода: Соржима / Долгор («Половодье»), Должит / ее отец Намсараев («Время покоса»), Лыгден / Найдан Шаралдаевы («Такая сильная любовь»), Дондок / Шулу Дондоковы, Жаргал / Бабудай («В этой жизни»), Ошорхай / Майдар Насановы («Аргатак ищет хозяина»), Амгалан / Алдар («В тени старого дома») и др.;

2) *сюжетные и композиционные приемы:*

а) ситуация внутреннего кризиса старейшего или старшего члена рода в определенный период жизни, осознание им несправедливости совершенных поступков и прозрение, например, Амгалан («В тени старого дома»), Арья («Большая родословная»), Далай («Расплата») и др.,

б) смелый поступок дочери одного из родов, выходящей замуж, вопреки старым традициям, по любви: Долгор («Половодье»), Жаргал («В этой жизни»), Субад («Большая родословная») и др.,

в) два временных плана – прошлое и настоящее, воспоминания героев («Такая сильная любовь», «Счастье», «Аргатак ищет хозяина», «В тени старого дома», «Большая родословная» и др.);

3) *система персонажей*, выстроенная по принципу родства (практически во всех произведениях).

Неоднократное обращение писателя к одним и тем же типам героев, ситуациям, конфликтам, сюжетным ходам, раскрывающим мотив родового начала, свидетельствует о его остром интересе, зачастую споре с утвердившимися вековыми традициями с позиций социалистического времени, сомнениях и размышлениях. Рассмотрим это на нескольких примерах.

В основе конфликта повести «В этой жизни» лежит противоборство, но это столкновение не только молодых членов рода, инициированное раздумьями его основателя, как в более поздней книге («Большая родословная»), а «отцов и детей» – Шулуна Дондокова с выросшим его дедом Дондоком. Это конфликт между старым и новым, личным и общественным началом, который «завязывается и определяется спором по поводу юрты, символически осмысленной как анахронизм современной жизни, <...>» [Гармаева 1997: 26].

Молодой архитектор, приехав в родной улус на преддипломную практику, предлагает начать строительство современных домов, куда

односельчане переселяются из юрт, где жили предки. Встретив непонимание со стороны не только приверженцев прежних устоев, но и родного деда, Шулун не отступает и продолжает свой проект. Старик же не принимает идеи внука-сына. Он не переселяется из старой юрты, символически осмысляемой молодыми как пережиток, и умирает, так и не смирившись с происходящим. Дед и внук демонстрируют одно качество – «непреклонность воли людей из рода Тубэргэнов» [Гармаева 1997: 26]. Родовое качество, составляющее стержень характера, помешало близким людям сделать шаг навстречу друг другу.

Мотив родового начала выделяется и в романе «Большая родословная». Начало произведения связано с отказом основателя рода Арьи Мониева от золотой свадьбы, задумывавшейся как празднование дня рождения рода. Накануне Арья, впервые встретившись с внуком Балтой, сыном когда-то отвергнутой за непослушание дочери Субад, начинает понимать, что крепкий, на первый взгляд, многочисленный род Арьяевых духовно распадается: «Когда я думаю о нашей семье, меня не покидает мысль, что у солнца есть не только восход и зенит, но, увы, и закат!» [Эрдынеев 1983: 20–21].

Основа социальной жизни бурятского народа – родовая община – существовала как родовая ответственность за судьбу каждого члена рода и обусловленность поведения человека общеродовыми нормами, что определяло и значимость связи поколений. Претворяя закон преемственности, каждое поколение исполняло свой долг по отношению к последующим поколениям, ведь онтологически обоснованная связь поколений предполагает включенность индивида в непрерывную цепь поколений. «Связь поколений <...> обеспечивает, с одной стороны, самовоспроизведение народа в истории, с другой стороны, целостность бытия» [Каминский 2008: 188]. В роду Арьятан принципы родовой общины детально регламентировали все стороны жизни младших членов. Наблюдения за детьми и внуками, воспоминания о прожитой жизни и истории создания своего рода позволили герою прийти к выводу, что старшее поколение не должно вести себя подобным образом. Прерогатива «отцов» – утверждение главных принципов бытия, связанных с важнейшими этапами жизни человека, с формированием системы ценностей, с преемственностью поколений. Именно эта задача, по мнению Арьи, не выполнена им как основателем рода до конца. Сосредоточенность на интересах только своего рода, на индивидуалистическом начале привели к духовному разобщению поколений его родового дре-

ва, к тому, что род оказался в стороне от народной жизни. Характерными чертами членов рода Арьяевых в момент осмысления возникшей ситуации являются честолюбивое стремление доказать, что они представители самого знатного, самого богатого, самого славного в окрестных местах рода; стремление везде и всегда утверждать превосходство своего рода над другими (идея превосходства людей «одной крови»); мнимая честь и тщеславие.

Духовный кризис Арьи связан с осознанием последствия выбора, сделанного в молодости и изменившего его самого как личность, неправедности прожитой жизни, когда в оппозициях «временное/настоящее», «преходящее/подлинное» во главу угла ставилась первая составляющая, ошибочности утверждаемых родовых догм. Арья, как и другие основатели или старшие члены рода, например, Базар в «Половодье», понимая, что он в ответе перед потомками, и исполняя закон преемственности, видит свой долг по отношению к последующим поколениям рода в выборе правильного пути. Он ищет возможные пути преодоления возникшего нравственного конфликта, несмотря на непонимание и сопротивление окружающих, прежде всего родных, принимающее трагический характер.

Два внука Арьи – Тучин и Балта, их понимание смысла жизни представляют возможные пути развития рода. Молодые люди по-разному оценивают поступок деда, по-разному соотносят свои действия с установками и идеалами общества и собственными нравственными ценностями. В ситуации выбора, включающей внутреннюю мотивацию, они по-разному определяют дальнейший жизненный путь и каждый по-своему влияют на будущее рода Арьятан.

Первый – приверженец родовых принципов, воплощает в себе характерные черты Арьятан, вернее рода Танхи, отца Ади: властность, жесткость («Лицо его (Тучина – Г. Б.) стало вдруг *властным, жестким*. <...> ведет себя как *истинный Арьятан*» [Эрдынеев 1983: 36]), самолюбие («И все-таки наша жилка чувствуется. Ишь какой *самолюбивый!*» [Эрдынеев 1983: 12]), тщеславие, высокомерие («Но сколько *высокомерия*, когда речь заходит о других! Все Арьятан такие!» [Эрдынеев 1983: 26]), стремление к материальному благополучию и страсть к накопительству, достижение поставленной цели любыми средствами, желание быть первым во всем, жить для себя.

Второй внук Арьи – убежденный противник родовых предрассудков, видит смысл жизни в служении народу, обществу, он честен,

принципиален. Его жизненные принципы опираются на духовную близость людей, трудолюбие, порядочность, доброту, умение любить.

В финале романа Арья благословляет новорожденных – близнецов Балты и Аян, чья тайна (зарождающаяся любовь) случайно открылась ему в начале действия и подтолкнула к принятию решения об исправлении допущенной в молодости ошибки. Дед Арья сумел вовремя понять ложность пути, по которому шел основанный им род, и приложил все возможные в отмеренный срок жизни усилия для исправления ситуации.

Балта – представитель двух родов: Арьяевых и Мониевых – воплотил их лучшие родовые качества, и с ним Арья связывает возрождение и дальнейшее развитие своего рода. Символически это показано в образах его правнуков, которые продолжают род Арьятан.

Поступок главы рода и желание части молодого поколения (Балта, Баир) внушают надежду на то, что род Арьяевых изменит свои родовые принципы, станет действительно богатым, т.е. духовно богатым, большим (в значении «великий, высокий»), и жизнь для блага всех людей, а не только «своих» станет основополагающей в дальнейших коленах рода. Название романа «Большая родословная» подчеркивает не только родство по крови, но и родство по духу как признак устойчивости рода, преемственности поколений.

Авторская позиция, во многом продиктованная социалистической моралью, на первый взгляд дана вполне четко, порой слишком декларативно. Родовая концепция жизни Тучина и близких ему героев, решенная в патриархальном ключе, осуждается, тем самым отрицается традиционное видение вопроса о родовом начале. Но сам писатель не безусловно разделяет декларируемые положения, принципы. Исследователь И. В. Фролова отмечает: «<...> противоречивые чувства в душе героя (основателя рода Арьи – Г. Б.), спор между различными принципами понимания человеческой природы (традиционно ментальным национальным и современным) отражает прежде всего спор в сознании самого художника, и это конфликтное состояние сознания претворяется в изображении кризиса героя. Идеологическая позиция писателя, таким образом, национальная ментальность художника выявляются на глубинных уровнях произведения, <...>» [Фролова 2006: 79-80].

Писатель накладывает идеологическую матрицу советского времени на буддийскую заповедь, согласно которой, содеянное сегодня неминуемо отразится в будущих поколениях человека – в его родосло-

вии. Истинным достоянием рода, декларируемым прозревшим Арьей и внуками Балтой, Баяром и др., являются честность, трудолюбие, доброты, искренность, благородство, служение Родине, а не чины и материальное богатство. Лучшие представители рода, характеризующиеся цельностью натуры, претворяя связь поколений, выступают как часть «рода-племени», сохраняют родовую память, родовую совесть, одновременно это личности со своей точкой зрения, рефлексирующие, развивающиеся, устремленные к новым благородным целям.

В последнем на сегодняшний день романе «Үйлын үри» («Расплата») Д. Эрдынеев вновь строит конфликт произведения на столкновении двух родов – Гатаповых и Тахаевых, раскрывая волнующую его проблему национального характера, национального образа мира в соотносительности с родовым началом. Совершенные человеком дела отразятся в будущих поколениях рода. Писатель напоминает, что человек, думая о корнях, находится в ответе за каждый поступок: за плохие дела он понесет наказание – расплачиваться будет если не он в этой жизни, то его потомки.

Использование семейного конфликта, приобретающего социальный характер в силу решаемых Далаем проблем, позволяет писателю затронуть актуальные вопросы времени: загрязнение окружающей среды, недейственность принимаемых руководством решений, использование служебного положения и др. В остром противостоянии принципов двух родов, столкнувшихся в вопросе определения дальнейшего жизненного пути, Далаю помогает «благополучная карма рода» (Т. Б. Баларьева). Напротив, род Тахаевых издавна испортил свою карму неблагоприятными поступками и продолжает идти по ложному пути. Мажад и его дочь Гэпэлма (жена Далая), при всей очевидности их положительных качеств, во главу угла ставят только собственные интересы, хотят быть первыми и готовы для достижения цели на любые методы. Они не задумываются о будущем своего рода в буддийском понимании – карме, ответственности за совершаемые поступки, «отрицательная карма рода все больше отдаляет их от душевного прозрения и перерождения в следующей жизни человеком» [Баларьева 2012: 89]. Главный же герой смог духовно возродиться, достигнутое «„прозрение“, „просветление“, <...> постепенно приводит его к мудрости, к особому, так называемому доброму состоянию сознания» [Баларьева 2012: 87]. Именно это состояние позволяет Далаю не идти на компромиссы и до конца отстаивать свои убеждения. Писатель убежден в правильности избран-

ного героем пути – художественно это выражается в решении единственной дочери героя Сэндэмы встать на его сторону в возникшем конфликте.

Остановимся и на обобщенном герое прозы Д. Эрдынеева, который появился уже в самых первых рассказах и ставился в центр повествования в дальнейшем творчестве. Таким героем выступает знаменитый старинный бурятский род: Тубэргэны («Нравы Тубэргэнов», «Современные легенды», «В этой жизни»), Тумэны («В тени старого дома»), Арьятан («Большая родословная») и др. Характеристика членов рода и в целом всего рода в текстах повторяется. Это волевые, смелые люди, объединенные принадлежностью к роду: «...Всюду в Бурятии можно найти людей с такой фамилией. Она известна еще издавна, ее знают далеко за пределами края» [Эрдынеев 1980: 83], «<...> многие люди, прославившие в прошлом свой край, да и те, кто теперь прославляет его, вышли из этого рода» [Эрдынеев 1971: 8]; «Далеко идет слава рода Арьятан – вон какие работающие, дельные, умные у него потомки» [Эрдынеев 1983: 87]. Писатель подчеркивает родовые черты во внешнем виде героев, повторяя из книги в книгу: «Холодоватые [Здесь и далее курсив мой – Г. Б.] длинные глаза. <...>, упорный взгляд» [Эрдынеев 1971: 8], «По-тубэргэновски *остро и холодно* поблескивали глаза» [Эрдынеев 1980: 83]; «Глаза Долгор не такие *холодные*, как у большинства Тубэргэнов, не смотрят на людей *надменно, свысока*, и хотя и в них есть тубэргэновская *гордость*, но сквозь нее проглядывают доброта и задумчивая грусть» («Половодье») [Эрдынеев 1980: 84], «Тубэргэны, чем старше, тем *крепче*» («Такая сильная любовь») [Эрдынеев 1980: 114], «И тот же *ледяной взгляд*»; «В глазах появился *холодный арьятановский блеск*» [Эрдынеев 1983: 31]. Создаваемый писателем легендарный род всегда в числе первых, из поколения в поколение передаются высоко ценимые понятия родовой чести и достоинства: «*Горды* Тубэргэны, любят *славу и честь*»; «Только Дамдин достоин нести дальше посох Тубэргэнов. Он не уронит наше *имя*, былую *славу*. У него есть *сила, сила настоящих Тубэргэнов!*» [Эрдынеев 1980: 89]; «Наш род – род Тумэнов – *знаменитый!* Надо быть достойным его» [Эрдынеев 1980: 25], «Тумэны всегда *умели жить не хуже других*. Всегда были у них и коровы, и дом, и достаток, и жизнь спокойная, размеренная – всему свое время и место, все, что надо – всегда тут как тут, под руками» [Эрдынеев 1980: 44], «Да, он Тумэн, сразу видно, – <...>. – И пусть возьмет *лучшее от Тумэнов*» [Эрдынеев 1980:

55]. Если человек поступил хорошо, благородно, говорят: «<...>, ведь он из Тубэргэнов, *не опозорит* своих предков» [Эрдынеев 1971: 8], плохо поступил, скажут: такого в этом роду не бывало. Обобщенный родовой герой воплощает типичные черты, позволяя полнее раскрыть выделяемый нами мотив.

Таким образом, мотив родового начала в человеке разрабатывается на протяжении всего творческого пути Д. Эрдынеева и свидетельствует об интересе художника слова к данной проблеме. Автор закономерно выстраивает ряд: человек – род и преемственность/связь поколений – родина – высокий смысл жизни и смерти человека – во имя рода, во имя родины, напоминает о вечной цепи поколений и нравственных ценностях, сформированных ими.

Литература

1. Баларьева Т. Б. Отражение буддийской философии в современной бурятской прозе // Сибирский филологический журнал. 2012. №1. С. 86–91.
2. Гармаева С. И. Типология художественных традиций в прозе Бурятии XX века. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 1997. 160 с.
3. Каминский П. П. Проблема разрыва связи поколений в публицистике В. Распутина (1990–2000) // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 9: «Отцы» и «дети» в русской литературе XX века. Томск, 2008. С. 187–199.
2. Осорова С. Г. Проблема духовно-нравственного самоопределения личности в современной бурятской прозе // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Филология. Вып. 10. 2010. С. 35–39.
3. Фролова И. В. Художественное осмысление семейного начала в литературе Бурятии // Евразийский фронт: общее ментальное пространство в русской и монгольской культурах: Мат-лы межд. круглого стола. Улан-Батор, 2006. С. 78–80.
4. Эрдынеев Д. О. Внуки Тубэргэна: Повесть и рассказы / Авторизов. пер. с бурят. С. Щукиной. М.: Сов. писатель, 1971. 264 с.
5. Эрдынеев Д. О. Время покоса: Повести и рассказы / Авторизов. пер. с бурят. С. Щукиной и А. Тверского. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1980. 240 с.
6. Эрдынеев Д. О. Большая родословная: Роман / Авторизов. пер. с бурят. А. Верещагиной. М.: Сов. писатель, 1983. 368 с.

References

1. Balar'eva T. B. Otrazhenie buddiiskoi filosofii v sovremennoi buryatskoi proze // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2012. №1. S. 86–91. [In Russ.].
2. Garmaeva C. I. Tipologiya khudozhestvennykh traditsii v proze Buryatii XX veka. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gosuniversiteta, 1997. 160 s. [In Russ.].
3. Kaminskii P. P. Problema razryva svyazi pokolenii v publitsistike V. Rasputina (1990–2000) // Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyi dialog. Vyp. 9: «Ottsy» i «deti» v russkoi literature XX veka. Tomsk, 2008. S. 187–199. [In Russ.].
4. Osorova S. G. Problema dukhovno-nravstvennogo samoopredeleniya lichnosti v sovremennoi buryatskoi proze // Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. Seriya: Filologiya. Vyp. 10. 2010. S. 35–39. [In Russ.].
5. Frolova I. V. Khudozhestvennoe osmyslenie semeinogo nachala v literature Buryatii // Evraziiskii frontir: obshchee mental'noe prostranstvo v russkoi i mongol'skoi kul'turakh: Mat-ly mezhd. kruglogo stola. Ulan-Bator, 2006. S. 78–80. [In Russ.].
7. Erdyneev D. O. Vnuki Tubergena: Povest' i rasskazy / Avtorizov. per. s buryat. S. Shchukinoi. M.: Sov. pisatel', 1971. 264 s. [In Russ.].
8. Erdyneev D. O. Vremya pokosa: Povesti i rasskazy / Avtorizov. per. s buryat. S. Shchukinoi i A. Tverskogo. Ulan-Ude: Bur. kn. izd-vo, 1980. 240 s. [In Russ.].
9. Erdyneev D. O. Bol'shaya rodoslovnaya: Roman / Avtorizov. per. s buryat. A. Vereshchaginoi. M.: Sov. pisatel', 1983. 368 s. [In Russ.].